

МОЙ ПАЛАЧ. РЕКВИЕМ

ЕКАТЕРИНА РОМЕРО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мой палач

Екатерина Ромеро

Мой палач. Реквием

«Автор»

2023

Ромеро Е.

Мой палач. Реквием / Е. Ромеро — «Автор», 2023 — (Мой палач)

Я просила шанса у мужчины, для которого была лишь мстью. Шанса на счастье, которое обернулось для меня преисподней. Могу ли я верить тому, кто уже однажды меня убил, стоя над пропастью и любя монстра... — Прости...это был просто кошмар.— Что тебе снилось?— Мне снился ошейник и цепь. Ну тот, ты помнишь...— Помню. Что еще тебе снилось?— Мне снился подвал. Кожаный матрац и...ты.— Что я делал?— Не надо. Я не хочу говорить об этом!— Нет, скажи! Что я с тобой делал? Скажи мотылек, в голос.#Криминал и жестокий герой#Жестокость и безумная страсть#Боль на разрыв#От ненависти до любви

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Екатерина Ромеро

Мой палач. Реквием

Я просила шанса у мужчины, для которого была лишь мстью. Шанса на счастье, которое обернулось для меня преисподней. Могу ли я верить тому, кто уже однажды меня убил, стоя над пропастью и любя монстра...

#Криминал

#Жестокость

#Боль

#От ненависти до любви

Глава 1

– Давай руку, пошли, быстрее!

Тимур берет мою ладонь, и мы быстрым шагом выходим из аэропорта. Мужчина меня собой зачем-то прикрывает, и я не совсем понимаю почему.

– Проверял, хвоста не было?

– Нет вроде, но вы светились на весь холл! Садитесь уже. Времени нет, – оглядываясь, басит Виктор, и мы вместе с Тимуром садимся на заднее сиденье черного тонированного авто.

Оказавшись рядом с Бесом, никак успокоиться не могу и до сих пор не верю, что я сделала это. Предала ли саму себя? Нет. Я хочу попробовать. С ним быть несмотря ни на что.

– Ась, ты как, нормально?

– Да. Кажется.

Вздрагиваю, когда Тимур тянется ко мне, чтобы волосы поправить, а потом, заметив мою реакцию, резко опускает руку. Вижу, как напрягается весь, аж рубашка на нем трещит, а я... корю себя. Не надо так, бояться его уже не надо, однако и пересилить себя до сих пор не могу.

Возвращаемся назад словно под конвоем. За нами еще две машины по пятам следуют, и я начинаю нервно сжимать пальцы рук от нервов.

– Это наши. Не бойся, – словно предвидя мой вопрос, говорит Бес, и мне становится чуть лучше. Охрана. Как же много этой охраны, словно мы прячемся от кого-то, и, кажется, я знаю от кого.

– А Булат, он...

– Все еще ничего не знает. Нужно быть осторожными. Если со мной быть выбрала, никакой самостоятельности, ясно? – строго чеканит Бес, и я киваю. Я знаю, что это опасная игра, и я сама на нее пошла.

Доезжаем до дома довольно скоро, и я невольно улыбаюсь. Это место было моей тюрьмой, а теперь я домом его зову, снова возвращаюсь сюда, где некогда каждый камень мне о боли адской и страхе напоминал.

– Выходи.

Машина останавливается, Бес выходит первым и руку мне дает. Осторожно ладонь свою в его вкладываю и выхожу следом. Не знаю, как теперь вести себя рядом с ним. Мы вроде как помирились, я ему в любви призналась, и все кажется нормальным, однако сейчас Бес без маски “ангела”, и на самом деле я не знаю, каким он теперь будет со мной... настоящим.

– Так, давайте в дом и не высовывайтесь, пока я все не проверю.

– Спасибо, Виктор. Я сам свяжусь с Булатом. Сюда не лезь.

– Понял.

Не совсем понимаю, о чем они говорят, но послушно вхожу в дом, останавливаясь в холле. После недавно пережитого все тело как танком переехали, поэтому я чувствую вселенскую усталость, и, кажется, Бес тоже это замечает.

– Иди в комнату. Тебе надо отдохнуть.

– Бес... – зову его, и затыкаюсь на полуслове, видя реакцию мужчины. Аж зубы стискивает от клички этой проклятой.

– Можешь по имени меня называть, если хочешь.

– Прости. Тимур.

Опускаю голову. Как-то это все неловко, и это мягко сказано.

– Ты что-то хотела?

Мужчина ближе подходит и становится напротив, тогда как мне было проще, когда Тимур был на расстоянии двух шагов.

– Да. Я спросить... просто.

– О чем?

Поднимаю глаза и с омутами его серебристыми встречаюсь. Такими же красивыми и строгими, контрастно выделяющимися на фоне смуглой кожи и черных волос. Мужчина очень высокий, поэтому мне приходится высоко задраить голову, чтобы так близко задать ему свой вопрос:

– Что теперь будет? Я все еще Коршунова. Ты же знаешь.

Мне нужно уточнить, в каком я статусе вернулась. Просто знать, кто я для него теперь, мне важно понимать хоть что-то.

– Ты жена моя. Несмотря ни на что. Ты. Моя. Мы вместе, хорошо?

Всматриваюсь в его лицо смуглое. Мой красивый демон, мой страшный палач и мужчина, которого я полюбила несмотря ни на что. Могу ли я ему верить, могу ли доверять после всего... после той боли, которая едва не лишила меня жизни и окунула в такую грязь, от которой я с трудом отошла.

– Ты меня не обидишь, – говорю тихо, но Бес слышит и за руку меня берет своей огромной горячей ладонью. Слегка сжимает, но не сильно. Осторожно. Совсем не так, как делал бы это раньше, ненавидя меня такой лютой ненавистью, которая намертво отпечаталась у меня в мозгу.

– Иди в комнату, Ася. Жди меня там.

Киваю, руку свою убираю и поднимаюсь в спальню. Сердце невероятно сильно стучит в груди. Все будет хорошо, кажется, вот только как я могу подпустить к себе того, кто когда-то сердце мое в клочья разорвал...

Без масок, без притворства и вранья. Бес со мной теперь настоящий, и я правда плохо его знаю, но хочу узнать лучше, до безумия просто.

Когда мы жили в этом вранье, Тимур был хорошим для меня и слова поперек мне не сказал, а какой он настоящий, сделает ли мне больно? Как же я хочу верить, что нет.

Приняв душ и переодевшись в простую бежевую ночнушку, я усаживаюсь на край кровати и жду его. Своего палача, точнее, мужа, точнее... просто Беса.

Мы ведь не женаты официально, это все было миражом, игрой, в которую мы оба играли, а на деле я не знаю хорошо этого мужчину и в какой-то момент ловлю себя на том, что боюсь близости с ним. Хочу и опасаясь одновременно, и эта борьба... она во мне постоянно происходит, не давая нормально дышать.

Я жду Тимура минут сорок, но его нет, поэтому начинаю нервничать. Знаю, он сказал правду, что отказался мести, хотя, по сути, ничего не поменялось. Я все еще дочь его врага. Во мне кровь течет сучья, и поменять я это не смогу. Но смог ли Бес преодолеть свою ненависть ко мне? Не знаю, но хочу верить. Очень хочу.

Бросаю взгляд на угол комнаты, где сейчас стоит цветок, и дурные картинки воспоминаний лезут в голову. Я сидела на цепи в этом углу, как собачонка, а вместо еды у меня бы корм.

Рука машинально тянется к шее. Ошейник. Его ощущение за год так и не прошло. Приступилось только, но не прошло. Смогу ли я забыть об этом хоть когда-то?

Нет, но и не могу я ненавидеть того, кого люблю уже всем сердцем. Тимур не обидит. Он не сделает мне снова больно. Я верю ему, он против семьи ради меня пошел. Сам рисковал – ради меня!

Вздрагиваю, когда дверь открывается, а в ней Бес стоит. Мрачный, такой красивый и страшный одновременно. Мой прекрасный демон, тот, кого сегодня я хочу узнать по-настоящему.

Глава 2

– Не спишь?

– Нет. Тебя ждала.

Вскакиваю с кровати чисто машинально, пытаюсь унять бешеное сердце.

– Ты голодная? Попросить Маргариту что-то приготовить?

– Нет. Спасибо.

Улыбаюсь коротко, но на деле из груди нервный смехок вырывается. Не знаю, куда деть руки и глаза, и, кажется, мужчина это замечает.

– Ась, – Бес подходит ближе, берет меня за руки и кладет их себе на грудь, заставляя услышать его сердцебиение, – не дрожи ты так рядом со мной. Не бойся меня, мотылек. Все будет хорошо, веришь мне?

– Да. Да, верю.

Вера – это то, что еще у меня осталось. То единственное, что не дало опустить руки и позволяет надеяться на лучшее. Я всегда такой была... верила в хорошее даже там, где его нет, и сейчас верю. Больше всего верю.

По телу бегут мурашки, когда Бес проводит рукой по моим волосам, а после откидывает их с плеч, оголяя шею. Вижу, как его взгляд темнеет при виде моей груди без бюстгалтера. Соски стали твердыми и отчетливо прослеживаются через тонкую ткань ночнушки.

Я замираю перед мужчиной, будто перед хищником. Даже двигаться не смею, пока Бес окидывает меня строгим взглядом. Не знаю, какой он на самом деле, я только плохую часть его настоящего видела, и что-то мне подсказывает, что это и есть Тимур Бесаев. Та сладкая маска после казни была для меня чем-то вроде успокоительного, и настоящий Бес обладает совершенно иным характером.

– Ты снова дрожишь, – проведя костяшкой кулака по моему голому плечу, мрачно говорит Тимур, тогда как я смотрю на руки его смуглые, жилистые, сильные. Они мне и боль дикую, и ласку вселенскую дарили, а что теперь...

– Ой...

Дергаюсь, когда Бес наклоняется ко мне, но не касается больше. Вместо этого он резко сдирает с кровати покрывало и заворачивает меня в него, как в кокон, после чего молча уходит в душ.

Я же осторожно сажусь на кровать. Почему-то думала, что Бес набросится на меня, как и тогда... в первые дни в доме, но он поступил иначе. Закутал меня в это одеяло до самого подбородка, а я не знаю, что делать. И хочу, и боюсь узнать его! Это чертовое комбо плескается во мне, не давая расслабиться.

Через пару минут щелкает выключатель и Тимур выходит – высокий, крепкий, смуглый, в одних лишь черных боксерах, – заставляя мои щеки гореть.

Бросив на меня взгляд, мужчина недовольно стискивает зубы, видя мою реакцию на него.

– Ложись. Хватит трястись уже.

– А ты? Не будешь спать?

Повисает неловкая пауза, которую разрывает низкий голос моего палача:

– Я отдельно лягу.

– Нет! Останься со мной! – выпаливаю и только после думаю, однако позволить Тимуру спать отдельно просто не могу. Не хочу, чтобы эти стены снова между нами были. Я прекрасно понимаю, что тоже должна пойти ему навстречу.

Тимур коротко кивает и ложится в кровать. Я тоже забираюсь на нее, все так же в этом коконе из одеяла, и, выключив свет в комнате, мы молчим. Слышу только биение своего сердца.

Как же много я сказать ему хочу и боюсь. Тимур лежит на спине и тоже дышит тяжело. Как-то слишком... трудно.

Вздрагиваю, когда в один миг мужчина берет меня вместе с моим коконом и с края кровати прямо к себе тащит. Словно в логово к зверю...

– А-а!

– Тихо. Не хочу, чтоб свалилась. На самом краю примостилась.

– А, спасибо.

Оказавшись ближе, не могу удержаться и вдыхаю его запах, от которого тут же приятно тянет в животе. Даже больно немного. Он мой личный наркотик, запретный и дикий, убивающий и воскрешающий одновременно!

Случайно руку протягиваю, и мы соприкасаемся пальцами с Бесом. Мои, как всегда, ледяные и его – горячие, точно пламя.

– Прости, я случайно это...

– Не извиняйся. Можешь касаться меня, Ась. Где хочешь и как хочешь, – басит Тимур, а я чувствую, что соскучилась. Безумно просто, но и первый шаг сделать боюсь.

Внезапно загорается ночник, Бес поднимается с кровати и опускает ноги на пол. Голову склоняет, опершись руками на колени. Я же подтягиваю к себе ноги и на спину его широкую смотрю. Не понимаю, что такое, все же было... нормально.

Бес очень тяжело дышит. Весь какой-то напряженный, как из камня высечен. Его стальные мышцы то и дело бугрятся под бронзовой кожей.

– Тимур... что с тобой?

– Ничего. Спи давай.

– А ты?

Молчит, все так же дышит тяжело, как зверь раненый, а я невольно взгляд на шрамы его бросаю. Пулевые, навылет. Пусть он и сам в себя стрелял, но так ранить себя ради меня?

Что в его голове творится, сама не знаю, однако хочу помочь ему. Нам помочь.

Выбираюсь из своего кокона и к мужчине вплотную подлезаю. Да, мне страшно касаться своего палача, но я хочу попробовать. Если в пепел рассыплюсь – ничего, я просто... хочу огня коснуться.

Осторожно ладони протягиваю и к спине Тимура прикасаюсь, проходясь пальцами по стальным мышцам. Он молчит, сидит напряженный, как камень. Не двигается, и я смелею.

Я хочу его коснуться. Еще ближе, больше, ласковее. Бес нравится мне и всегда нравился, поэтому я осторожно прикасаюсь губами к его плечам, снова ощущая приятное напряжение в животе. Один легкий поцелуй, второй, третий...

– Хватит, стой. Не надо, Ась! – как-то резко чеканит Тимур, и я тут же прекращаю, пугаясь его реакции.

– Извини, я...

Мужчина оборачивается и окидывает меня строгим взглядом.

– Ложись спать, не бойся ничего.

Тимур укрывает меня одеялом, тогда как у меня создается впечатление, что он просто прячет меня от себя или не может забыть свою ненависть. Кажется, нам нужно время. Больше, чем мы думали.

– Хорошо. Только рядом будь, ладно?

– Я здесь. Не уйду никуда. Я же обещал, что никогда тебя не оставлю.

Согласно киваю, после чего Тимур садится на кровать, спиной на изголовье опираясь, а я... пытаюсь на подушке уместиться, но в итоге все равно к нему на руки прилезаю. Я так привыкла спать, и мне так спокойно. Когда Бес рядом. Когда гладит меня по волосам.

Уткнувшись носом в торс палача, я засыпаю, стараясь не думать о том, что в любой момент он может снова надеть на меня ошейник, вырыть яму и закопать заживо. Я добровольно

пришла к тому, кто меня ненавидел всю свою жизнь, и если что-то пойдет не так, то шанса на спасение у меня точно не будет.

Живот постепенно начинает тянуть меньше, и я уж было думаю, что это месячные начнутся, однако, прикинув даты, понимаю, что у меня задержка, кажется, уже три недели.

Перевернувшись на бок, сонная, быстро отметеливаю эту мысль. Да быть не может. Конечно, нет...

***

Это оказывается намного сложнее, чем я изначально думал. Быть с Асей настоящим, без прикрас и масок, показывать себя такого, каким я на самом деле являюсь, и, конечно, видеть в ответ страх.

Ася боится меня. Может, не так не остро, как тогда в больнице криком кричала при виде меня, но все равно. Эти отголоски страха никуда не пропали, и это, блядь, в каждом ее жесте проявляется, хоть девочка и старается. Так сильно, что порой мне хочется просто крушить все вокруг.

Там в аэропорту я едва не свихнулся, снова ее увидев. Запыхавшаяся, вся в слезах, девочка звала меня на весь чертов холл среди десятков камер. Я думал, что никогда ее больше не увижу. Я уже был готов к этому – отпустить ее, и тогда мотылек вытащила меня из этой прострации. Спасла, можно сказать, не позволила уехать, тогда как я сам уже был готов сдохнуть и, если честно, хотел этого.

Теперь же, оказавшись дома, Ася дико скованна и зажата, точно пружина, но я даю ей время. Хотя нет, вру, я себе даю время, чтобы все обдумать. Девчонка добровольно вернулась в мой дом, проглотила обиду, тогда как во мне два демона все еще беснуются.

Один белый. Полудохлый. Который скорее себя задавит голыми руками, чем ей навредит снова. А второй черный, злой, живучий! Толкающий меня в пропасть за предательство семьи, позволяющий ненавидеть само свое существо... предателя.

В этот первый вечер я не иду к мотыльку до последнего. Не могу просто. Знаю, какая сладкая девочка сидит у меня в спальне, бери и наслаждайся, но я права не имею ее коснуться. Не после всего, что сделал с ней, и особенно как. Насильно, больно, намеренно жестоко.

Теперь же даже пальцем тронуть Асю не могу, хотя сдыхаю. Сгораю уже от того, как сильно ее хочу!

Весь вечер сижу в кабинете, можно сказать, прячусь от мотылька, но все равно иду к ней, не выдерживаю. Мой черный демон кладет белого на лопатки, и я позволяю себе быть без масок, без этого сладкого эфира, в котором достаточно накупался за последние полгода.

Заметно уставшая, но такая лакомая Ася сидит на кровати и подсакивает, как только меня видит. Сегодня полдня ревела, сразу вижу по глазам. Снова из-за меня, блядь, тогда как я уже слезы эти ее видеть не могу!

Слишком много дерьма она пережила, слишком на грани мы ходим, и больше всего на свете я боюсь, что этот страх ее никогда уже не пройдет, но, на удивление, Асе удастся если не подавить, то хотя бы маскировать свой страх при виде меня.

Я тут же жалею, что приперся к ней сегодня. Хрупкая, как тростинка, миловидное лицо и длинные шелковистые волосы девочки создают ощущение, что я смотрю на нечто неземное. Еще и тряпку эту напялила в обтяжку, которая все ее изгибы тела подчеркивает, возбуждая меня просто за секунду.

Внизу все гореть начинает, когда вижу ее соски стоячие и грудь аккуратную через тонкую ткань. Осиная талия, округлые бедра и плоский живот так и манят прикоснуться, а я на месте стою. Не шевелюсь даже.

Ощущение такое, что просто с ума схожу, но притронуться к мотыльку не могу. Словно руки мои горят, боюсь снова сделать ей больно, и это, блядь, не проходит!

Все, что могу, – завернуть девочку в одеяло, чтобы не смотреть. Чтобы не провоцировала, но хуже другое: оказывается, я не могу и уснуть с нею рядом. Мне хреново, я боюсь Асе сделать больно, хоть как-то навредить, но эта чертовка начинает сама ко мне ластиться, просто-таки приглашая черного суку-демона на торжество!

Гораздо проще мне было с ней раньше, когда я был “хорошим”, ведь тогда Ася часто ко мне первой цепляться начинала. Точно кошка, кукла просила ласки, которую я для нее не жалел, однако то была маска, которую я надевал, чтобы ее не пугать.

Теперь же мне самому сложно, когда я знаю, что Ася уже не видит во мне “хорошего”. Она видит во мне все такого же монстра, чудовище, которое над ней издевалось. Демона видит, который ее на цепи, как собаку, держал, а после в яму холодную сбросил.

Сейчас же, ночью, рядом с ней я пошевелиться даже не способен. Мне дышать тяжело, я спать не могу. Ася пытается ластиться ко мне, а я не могу ответить тем же. В голову то и дело кадры лезут, как она на коленях стояла передо мной. Слабая, рыдающая, дрожащая от ужаса и от меня...

Как я издевался над ней, как жестоко ранил, казнил, а после вернул к жизни. Я не забыл все это, и она тоже. Это всегда будет между нами, но в первую ночь без маски я открыться ей просто не могу.

Кукла спать укладывается, а я как у мины лежу. Тронуть ее не смею, тогда как все тело до одури жаждет ее! Каждую клетку целовать, но сам себе не позволяю. Нельзя! Она боится, хоть и старается. У меня только один шанс, такой хрупкий, который я просто не могу запороть, снова потеряв ее доверие.

К несчастью, мотылек в одеяле долго не засиживается и все равно прилезает ко мне на руки. Она так делала эти полгода, когда я притворялся тем, кем не являлся.

Теперь же Ася все равно ко мне пришла греться, уткнувшись носом в торс.

В этой тишине я гладил ее по волосам, понимая, что, выбрав эту девочку, стал предателем, а предателей в моей семье никто не прощает.

Их убивают.

Глава 3

Просыпаюсь оттого, что меня кто-то целует. В шею! Так горячо и жарко, немного покалывая, что я тут же расслабляюсь. Приятно, мне очень приятно и сладко.

– Тимур...

Открываю глаза и вижу мужчину, который склонился надо мной. Такой красивый, большой, взрослый, будоражащий каждую мою клетку и заставляющий трепетать от одного только его присутствия.

– Ты не заболела, мотылек?

– Нет, а что?

– Двенадцать дня уже.

– Двенадцать дня?!

Бросаю взгляд на часы. Боже, я полдня проспала! Тимур уже полностью одет, сидит на краю кровати в черном костюме.

– Почему ты раньше меня не разбудил?

– Ты крепко спала, не хотел будить. Спускайся, там Маргарита уже дважды завтрак разогревала для тебя.

– А ты куда?

Почему-то волнуюсь, когда Тимур уезжает. Не знаю, мне кажется, что с ним может что-то случиться. Булат ведь не дождался его. Как же я хочу, чтобы дядя Беса вообще забыл о нас и больше никогда я не видела того монстра.

– Я вернусь вечером. Тебе что-то нужно? – убирая мои волосы с лица, спрашивает мужчина, тогда как я за руку его беру осторожно и к щеке прикладываю своей, вдыхая его будоражащий запах.

– Мне ничего не нужно. Просто хочу, чтобы ты был рядом.

– Буду.

Бес наклоняется, целует меня в висок, едва прикасаясь, и я понимаю, что эта стена между нами... ее нет, но в то же время мы оба осторожничаем.

Кажется, один неверный шаг – и этому хрупкому, как пергаментная бумага, перемирию наступит конец, а я не хочу этого. Я хочу просто... с ним рядом быть.

Весь день я провожу с Маргаритой. Она печет сладкие пирожки, а я помогаю. Не то чтобы я готовить умела, дома мама за меня обычно все делала, но все же стараюсь хоть чем-то помочь.

– Ты не беременная, случайно, Ась?

Я едва не давлюсь мороженым от такого заявления Маргариты. Ну и вопросы у нее!

– С чего это вы взяли?

– Да нет, детка, ты не подумай! Просто ты уже второе мороженое уминаешь, а до этого пирожки пробовала, и яблоки, и салат, и рыбу. Да ты кушай, я так... не мое это дело.

Пережевываю свое мороженое и ставлю баночку трясущимися руками на стол.

Да нет... Не может быть. Просто не может.

Рано, мне же всего девятнадцать. Я даже не думала о таком еще. Мы с Бесом были осторожными всегда. Вроде бы.

– Нет! Я не беременная. Вам показалось.

– Да не слушай меня, старую! Кушай на здоровье. У меня самой двое деток, вот и подумала, с чего бы это аппетиту так разыграться с утра. Ты же как птичка кушаешь обычно, а тут все захотела попробовать. Ладно, показалось, наверное, не бери в голову.

– Ага...

При этом мой аппетит как рукой снимает, и я осторожно беру чашку ароматного чая. От него отказаться не смогу точно.

– А господину Бесаеву подарок приготовила уже?

Замираю. Сегодня Маргарита разговорчива, и, кажется, мне это нравится.

– Какой подарок?

– Ты не знаешь? Ой, долгий мой язык! Виктор проговорился мне, а я тебе. Извини, детка.

– А что... у Тимура день рождения?

– Да. Завтра.

Прикусываю губу. Черт. Даже не знала. И он ни слова не сказал!

– Спасибо, что предупредили. Я... придумаю что-то.

Что конкретно, сама пока не знаю. У меня нет своих денег. Ну, есть разве что те, которые тогда Виктор в больницу приносил. Я их не трогала все это время. Так и лежат под кроватью. Прячу их, хотела вернуть Тимуру, но не настроена я как-то разговор этот тяжелый заводить и вспоминать тот... ад.

Ладно, что-то придумаю.

Тимура нет до самого вечера, поэтому у меня есть время походить по дому. Первый этаж большой и светлый, на втором спальня и кабинет. Его кабинет, где я уже была однажды. Смотрела ту страшную запись, на которой были последние кадры его родителей и сестренки. Убитых моим родным отцом.

Знаю, Бес хранит эту запись до сих пор как единственное воспоминание о семье, тогда как я даже не представляю, как он вообще не сошел тогда с ума.

Булат. Его дядя не дал ему умереть, а мне... желал страшной смерти. Заслуженно. Ведь я тоже Коршунова. Я дочь своего отца.

Теперь только всеми силами молюсь, чтобы Булат отпустил Тимура и мы просто... жили. Спокойно, тихо, затолкав обиду и страх подальше ради чего-то большего. Того самого чувства, которое проросло во мне к Бесу и заставило просить его не оставлять меня одну.

Спустившись на первый этаж, я немного убираюсь, пока взгляд не падает на серую дверь. Знаю, она ведет в подвал, помещение, куда бы я ни за что не захотела войти снова.

Смотря на эту дверь, сдвинуться с места не могу. Я помню, что было в этом подвале. Мой самый страшный кошмар, боль и ужас, который я там пережила. Он мне снится. Нечасто, но эти сны всегда такие реальные, будто я снова... снова переживаю ту боль, которую мне причинял Бес, пылая от ненависти. Ко мне.

В руке что-то жечь начинает, и я вздрагиваю оттого, что меня кто-то встряхивает за плечи.

– Ася, очнись!

Поднимаю голову и вскрикиваю. Бес. Он стоит передо мной. Такой высокий и большой. С рассекающим шрамом, проходящим через половину лица и делающим его особенно опасным.

– Нет, нет...

– Ась, не бойся!

Капающая кровь из ладони отрезвляет, и я прихожу в себя. Передо мной Тимур с тяжелым взглядом, а я... стою как дура рядом с подвалом, с горстью стекла в руке. Кажется, я расколола стакан ладонью и даже не заметила.

Еще хуже – я испугалась его. Беса снова испугалась, и он увидел это, став еще более мрачным.

– Ты что тут забыла? – басит недовольно, а у меня слезы на глаза наворачиваются.

– Прости. Я просто... убиралась тут.

– Не надо извиняться. Черт возьми, твоя рука!

Поворачиваю ладонь и вижу, что из нее осколок стекла торчит. Как меня так угораздило, господи.

– А-ай, больно!

– Иди сюда.

Даже опомниться не успеваю, как Тимур на руки меня подхватывает и несет на кухню. Усаживает прямо на стол.

– Не сжимай ладонь. Сейчас.

Вижу, как мужчина открывает шкафчик, после чего возвращается с маленькой аптечкой в руке.

– Что ты там делала? Скажи, на кой черт туда пошла?!

Сжимаюсь вся от его резкого голоса. Бес. Это точно настоящий Бес без всяких масок. Его интонация и грубость. Виновато поджимаю губы. Знаю, я сглупила.

– Не надо было идти туда. Извини.

Вижу, как Тимур тяжело дышит, повернувшись ко мне спиной и оперевшись сильными руками на столешницу. Явно злится. На меня. Не надо было туда идти. Понимаю уже.

– Мы уедем отсюда. Скоро. Ася, я знаю, что тебе тут тяжело.

При этом Тимур поворачивается, и мы взглядами с ним встречаемся. Вижу отпечаток боли на его лице. Он не говорит об этом, а я... забыть не могу. Так и живем, стараясь не вспоминать.

– Хорошо. Как скажешь.

Мужчина подходит ближе и осторожно руку мою осматривает, перехватив своей, недовольно сдвигая брови.

– Стекло застряло, вытащить надо. Сейчас.

– Хорошо. Я потерплю.

Хочу съязвить, что мне не впервой боль от него чувствовать, но вовремя затыкаюсь. Ни к чему уже это. Я сама приняла решение быть рядом со своим палачом, который делал мне очень больно намеренно и в итоге отказался от мести. Тимур меня спас... спас тогда, когда у меня уже не было шанса на жизнь.

– Смотри, на улице черный снег пошел. Нравится?

Как только глаза к окну перевожу, тут же чувствую острую боль в руке.

– А-ай-ай, ай! – вскрикиваю, когда мужчина одним махом стекло вынимает из моей руки, кладя его на стол, довольно усмехаясь моей глупости.

– Не кричи.

– Обманщик!

– Все уже, мотылек. Все.

Из ранки начинает выступать кровь, которую Тимур быстро промокивает, и тогда я вижу старый шрам на ладони. Он мне его сделал. Острым клинком порезав руку.

Замираю, когда Бес проводит пальцами по этому уже давно побелевшему тонкому шраму. Весь напрягается, и я осторожно свою ладонь поверх его кладу.

– Ничего. Заживет, – говорю тихо, но взгляд мужчины темнеет, и я замечаю, как сильно ходят желваки на его скулах.

– Осторожнее в следующий раз! Не хочу тебя латать снова. Ты и так вся в шрамах. После меня, – бросает как-то грубо, и я затихаю. Вот он настоящий. Бес, которого я до дикости боюсь.

– Извини... Не буду больше.

– Уж постарайся.

Затихаю. Тимур молча перебинтовывает мне руку, тогда как я смотрю на его лицо серьезное, на шею смуглую, руки сильные, жилистые.

Он не обидит меня снова, ведь так? Бес отказался от своей мести, потому что... что? Любит? Нет, он так и не сказал мне этого тогда, хотя я и не жду от палача такого. Я все еще его враг, и мы оба это знаем.

Более того, Тимур сказал, что сделает мне снова больно, но я не верю. Не делает. Хотел бы – уже давно бы сделал. Бес не обидит меня снова. Хочу верить в это больше всего на свете.

Закончив бинтовать мою руку, мужчина отпускает ее, но вместо того, чтобы уйти, смотрит прямо на меня. Долго, прямо в глаза, сверху вниз.

Даже опомниться не успеваю, как он накрывает мои колени руками и медленно разводит в стороны, вклиниваясь между ними. Стол немаленький, однако Бес очень высокий, поэтому ему все равно приходится наклониться ко мне.

Застываю, когда Тимур ставит руки, сомкнутые в кулаках, по обе стороны от меня и смотрит... как дикий зверь на мотылька.

– Ты обещала слушаться меня, девочка, но пока у тебя херово получается.

Его серьезное лицо озаряет короткая, едва уловимая полуулыбка, и я сразу расслабляюсь. Бес играет со мной, и я хочу принять правила этой игры.

– И что же ты будешь делать со мной?

Смотря на его сильные смуглые руки по обе стороны от себя, ловлю стаю мурашек, а еще... мой живот снова тянет. Сильно. От возбуждения.

Мы с Бесом никогда не целовались, ну так, по-настоящему, без масок, истерик и притворства, и теперь я до умопомрачения хочу коснуться его губ. Настоящих.

Бес очень близко, я смотрю прямо на него. Красивый, brutальный, смуглый и опасный. Мне дико страшно, но сегодня бояться его я не хочу.

Глава 4

– Останови меня, Ася. Одно твоё слово, и ничего не будет.

Он слишком близко. Я слышу его дыхание, чувствую запах, который манит меня, как пчелку на мед.

– Нет. Не останавливайся. Прошу.

Мы одни на кухне. На улице уже темно и очень тихо. Слышу только шум своего сердца, которое стучит как барабан рядом с Тимуром.

Поднимаю взгляд на мужчину. Серебристые глаза, увенчанные густыми ресницами, черные волосы назад уложены, пухлые чуткие губы, щетина и страшный шрам... проходящий через все лицо.

– Закрой глаза. Не смотри так на меня, – проводя рукой по моим волосам, басит Тимур, но я только головой качаю.

– Нет. Я хочу смотреть.

Усмехается, показывая белоснежную хищную улыбку.

– Чудовище. Я чудовище для тебя, мотылек, – говорит низким голосом, перекатывая мои волосы в своих пальцах.

Мотаю головой. Бояться уже поздно, когда хищник уже меня поймал в свои лапы, и я не хочу сейчас вырываться. Я так долго хотела увидеть Беса настоящего, что теперь не могу... просто не могу отказаться от него.

– Мне все равно... Я не боюсь тебя!

– Врешь. Врать так и не научилась, Ася. Бес. Так меня зовешь, девочка? Я все еще Бес для тебя?

Он меня поймал. Прямо спрашивает, и мне не отвертеться с ответом.

– Да. Мне так нравится. – Поднимаю на мужчину глаза. – Ты мне нравишься, Тимур. Очень, – шепчу ему это и замираю, когда в следующий миг Тимур наклоняется и медленно приближается ко мне. Сантиметр за сантиметром, он ломает между нами все грани, и я больше не строю защиту.

Дыхание спирает, когда я чувствую его губы своими. Горячие, жгучие, опасные и ласковые. Обхватив меня за талию, мужчина подтягивает меня к себе и целует уже сильнее.

Чтобы не упасть со столешницы, я осторожно обхватываю Беса руками за шею и... отвечаю на поцелуй. Наш первый настоящий поцелуй без притворства, слез и жестокости. И, боже, как он целует меня... если бы я стояла на ногах, то просто упала бы!

Тимур целует меня жадно, сильно, постепенно усиливая напор, тогда как я, оказавшись в его руках, даже пошевелиться боюсь.

Любовь и боль, страх, тоска, желание... Я хочу его так сильно, что в животе все скручивается в тугой узел.

Осторожно провожу руками по его смуглой шее, опускаюсь к широким плечам, намеренно медленно скольжу по груди и торсу через рубашку. Мне нравится его касаться, и, кажется, моему палачу тоже...

– Не дразни меня. Я и так... едва сдерживаюсь уже, – рычит, прерывая поцелуй, и руки мои быстро ловит своими, тогда как я смею:

– Не сдерживайся. Пожалуйста, пожалуйста!

Тянусь к Бесу и не достаю до губ, поэтому покрываю смуглую шею мужчины легкими поцелуями, но, кажется, это еще хуже действует на него.

– Сама напросилась, не реви потом только! – Тимур низко рычит и одним махом подхватывает меня под попу. К себе прижимает на весу и несет прямо в спальню.

***

Тимур несет меня на руках прямо в спальню, пока я кайфую от его силы и запаха. Оказавшись в комнате, Бес захлопывает дверь ногой и осторожно на кровать меня укладывает. Я в простой майке и домашних штанах. Невольно руками себя обхватываю. В груди стучит, а трусики... мокрыми стали, хоть он меня только раз поцеловал.

Тимур подходит и опускается на корточки рядом. Смотрит на меня серьезно, проводит рукой по щеке, губам, опускаясь к шее.

– Еще есть время меня остановить. Прогони меня.

За руку его беру, смотря в глаза.

– Не останавливайся. Я верю тебе. Ты... не сделаешь мне больно снова, – шепчу ему, едва сдерживая слезы. Знаю, мужчина не любит, когда я плачу. Мрачным тогда становится, вспоминает то, что мы оба не хотим вспоминать.

– Девочка моя.

Тимур локон волос моих берет и губами к ним прикасается. Так просто, но у меня от этого аж дух захватывает, после чего он ладонь мою берет и тоже целует.

Через секунду Бес с легкостью снимает с меня штаны и майку, оставляя в одном только белье. Я не упираюсь. Стараюсь выглядеть спокойной и уверенной, тогда как внутри уже все просто трепещет от каждого его прикосновения.

Страх вперемешку с желанием – опасное комбо, которое сейчас меня просто до краев заполняет.

Если мысленно я была такая смелая и на все готовая, то сейчас на деле оказывается, что нет. Позволяю только раздеть себя, как куколку, а сама... боюсь и хочу до него дотронуться.

Бес очень красив и опасен, а я не знаю, как с ним можно по-настоящему. Как приручить этого зверя и самой не стать добычей, не знаю!

Сейчас демон спокоен, однако я помню, каким он может быть, и то и дело поглядываю Бесу в глаза. Знаю, что если снова там жестокость уловлю, то начну дрожать, и тогда точно ничего не будет, а я хочу этого... правда. Хочу почувствовать настоящего Беса без прикрас.

– Ляг. Откинься на подушку.

Делаю, как говорит, и в следующий миг Тимур стягивает с меня трусики, одним щелчком расстегивает бюстгалтер, который летит на пол.

Теперь я совсем голая перед ним, хотя на самом деле даже больше. Я душу перед ним обнажаю в этот момент. Полностью. Беззащитная перед зверем, ранимая, открытая. И надеюсь, что хоть немного любима.

Сглатываю, когда вижу, как Тимур взглядом меня окидывает. Голодным, пожалуй, будет наиболее точное определение. Смотрит на меня дико, серьезно, строго, и я вижу, как возбуждение в его штанах начинает выпирать еще сильнее.

Прикусываю губу. У нас уже была близость, конечно, однако тогда я думала, что Бес память потерял и ничего не помнит! Он был другим, таким нежным и ласковым, а теперь палач настоящий, и я не знаю, умеет ли Бес хоть немного любить.

Тимур расстегивает рубашку, и я вижу его голый подтянутый торс. Красивый, Боже, он словно из бронзы весь вылит!

Металлическая пряжка ремня поблескивает и отдает серебром на фоне его смуглого тренированного торса. Черные грубые волоски опасной дорожкой опускаются прямо туда, вниз... под ремень, и я чувствую, как мои бедные щеки горят все сильнее.

Живот снова тянет. Сильно, аж до боли уже. Я скучала по нему. Боже, как же я скучала, однако не знаю, можно ли с Тимуром так, как раньше, лицом к лицу, или он на самом деле любит ту позу, где я на коленях, чтобы меня не видеть.

Когда мужчина джинсы снимает вместе с боксерами, я уже правда не знаю, куда глаза деть. Тимур красив везде, но там... большой!

Те полгода, что мы вместе прожили, теперь кажутся миражом. Словно и не было их. Вот теперь Тимур настоящий, и я же не знаю его совсем, можно сказать. Ну, кроме его ненависти такой лютой, от которой я едва не умерла тогда.

Набрав побольше воздуха, переворачиваюсь на живот. Бес тогда так меня брал. Не любил, нет, брал. Не хотел он меня видеть. Коршунову. Дочь своего врага, которой я и сейчас являюсь для него.

Щекой укладываюсь на подушку, но вздрагиваю, когда в тот же миг Тимур кладет ладони мне на талию, поднимая, беря меня за руку.

– Нет. Я видеть тебя хочу.

– Уверен? Я мог...

– Да.

Киваю и к нему поворачиваюсь. Все тело дрожит. Так будет сложнее. Каждая клетка встревожена от присутствия Беса и моего дикого желания узнать настоящего его!

– Иди ко мне.

Одним махом мужчина подминает меня под себя, и я оказываюсь в его объятиях с широко расставленными бедрами. Все внутри враз сжимается. Боюсь и хочу этого одновременно! Бес... он делал мне больно, и теперь я до одури боюсь повторения той боли.

– Дыши.

Тимур опирается на руки, чтоб меня не раздавить, и мы встречаемся взглядами. Приоткрываю губы. Он красивый, опасный и горячий. Большой. Везде.

Осторожно тяну руку и пальцами по его шраму на лице суровом провожу.

– Прости за это. Мне очень жаль, что я тогда так сильно ранила тебя.

Бес быстро руку мою ловит, отрывает от себя и... целует.

– Не смей извиняться. Никогда за это!

После этого мужчина наклоняется и целует меня в шею прямо в шрамы, которые я сделала себе сама. Сначала нежно, вызывая мурашки, а после все более сильно, заставляя просто трепетать в его руках.

Мое тело как пружина зажато, но Тимур меня долго целует в шею, ключицы, и я невольно вздыхаю, когда он сжимает мою грудь рукой, а после обхватывает губами сосок, прикусывая зубами.

– Ой!

– Чш. Тихо. Не шевелись.

Он дразнит сначала одну мою грудь, а после вторую, из-за чего мои соски твердеют и становятся очень чувствительными.

Там, внизу, чувствую, как его член все больше увеличивается и упирается мне в бедро, но Бес почему-то не входит, и, когда его рука накрывает мою промежность, мы оба понимаем, что я дико возбуждалась.

– Не напрягай так сильно мышцы, – шепчет палач, проводя огромной рукой по моему каменному в этот момент животу. – Все хорошо, мотылек.

После этого Бес накрывает мои губы своими, и я удивленно стону, когда чувствую во рту его язык. Он проникает им в меня и начинает делать им таранящие движения... такие заводящие, ритмичные, что кажется, от этого я становлюсь еще более влажной.

В какой-то момент этого безумия я сама не замечаю, как расслабляюсь. Шире раскидываю ноги перед ним и начинаю тихонько постанывать. От удовольствия! От того, как мне приятно, когда Тимур сверху на мне и делает это со мной.

Когда я уже теряю всякий контроль и сама прижимаюсь к Бесу, он приставляет член и входит в меня. Сильно, одновременно с этим целует, проталкивая язык.

Палач очень большой, и я сразу же чувствую невероятный напор и напряжение. Боль тоже есть, но быстро проходит, и я с силой впиваюсь пальцами в широкие плечи Беса.

Сейчас мы одно целое, наши тела сплелись в этом безумной танце страсти, и мне... хорошо.

Так хорошо, как еще никогда не было! Тимур входит до упора, а после начинает двигаться медленно, ритмично, постепенно усиливая толчки, тогда как я от удовольствия стону, целую его в ответ, наслаждаюсь и просто... хочу вобрать каждую ласку зверя в себя. Жадно, голодно и дико.

В один момент Бес прекращает толчки, берет мои ноги и поднимает, кладет их себе на плечи и входит снова. На полную.

– Аа-ах!

– Нравится?

– Да, очень. Боже, не останавливайся!

Дважды повторять не приходится, так как уже в следующий миг Бес рычит и снова начинает входить в меня еще более быстро и сильно, резко, голодно.

В этой позе я чувствую его остро, просто невероятно сильно и приятно!

Каждый его толчок будто эфир в мой мозг вливает. Сладко, боже, как мне сладко!

– Тимур-р-р, ай...

Волна жара разливается по венам, и, когда в следующий миг Тимур опускает мои ноги и снова входит, начиная делать очень быстрые толчки, я просто взрываюсь в сладостном сильном оргазме.

– А-ах!

На это Бес только довольно усмехается и через несколько ошалелых толчков тоже кончает, быстро перекатываясь с меня.

Тут же к нему подлезаю на грудь. Хочу услышать сердце. Бьется. У него это сердце в груди сейчас просто на износ колотится! Даже если оно каменное, все равно оно у него есть.

– Живая? – поглаживая меня по голому плечу, басит мой палач, тогда как я радуюсь, что сейчас он не видит мои глаза, полные стыда.

Прячу лицо, но Бес голову мою пальцем поддевает, заставляя посмотреть на себя.

– Больно сделал? Говорил же, реветь будешь.

– Нет. Я... просто по телу как разряд тока прошел.

– Все нормально с тобой. Более чем.

Тимур по голове меня гладит, опускается к шее, проводит по голой груди ладонью, и я вижу, как от одного только движения этого у него снова встает.

Стыдливо опускаю глаза, и мужчина это замечает, укрывая меня.

– Ложись, мотылек. Не трону сегодня больше.

Тимур укладывает меня к себе на плечо, тогда как я смотрю на него... там. Даже под одеялом видно прекрасно его бугор, и у меня в животе снова тянет! Боже, да что со мной такое?! Я же хочу его снова! Как дикая голодная самка.

Глава 5

Как бы мне ни хотелось близости снова, я сдерживаю себя. Не хочу показаться какой-то развратной, поэтому, поджав под себя ноги, укладываюсь Тимуру на плечо. Мне очень спокойно в этот момент, впервые за долгое время, даже несмотря на то, что опасный палач рядом.

Бес не обидит меня, не сделает больше больно, наверное... Я хочу верить, что он отказался от своей кровной мести ради меня. Потому что любит? Не знаю, он ни разу не упоминал об этом, а я и не спрашивала. Я не жду такого признания от палача, мне достаточно, чтобы мужчина рядом был, чтобы вот так обнимал, как сейчас, к себе прижимал и не делал больно.

Постепенно глаза слипаются от усталости, и я вижу, как Бес стоит рядом и укрывает меня одеялом. Сначала одним, а после зачем-то вторым, третьим, четвертым. Постепенно этот груз на моем теле становится тяжелым, и я начинаю просить:

– Тимур, спасибо, не надо. Мне жарко же.

Он не слышит, и я чувствую, что мне становится тяжело дышать.

Машинально тянусь рукой к шее. Эта дурацкая привычка никуда не делась, и в один момент обнаруживаю там ошейник. СНОВА!

Шарю пальцами опять и опять. Ногти впиваются в грубую кожу ошейника, а затем я провожу рукой дальше и нащупываю цепь. Она к стене прикреплена, забита намертво, и, как я ни стараюсь, цепь не разрывается, а ошейник душит, душит меня!

Я зову Тимура на помощь, он подходит, однако его лицо... Боже, оно как у зверя дикого, все в крови, шрам пульсирует, горит красным пламенем, а глаза его... ненависти полны. Ко мне.

– Не-ет! Не-ет! Нет, не надо!

– Ася, проснись! Открой глаза, ну же!

Из пучины этого дурмана меня вытаскивают, и я чувствую, как за плечи кто-то буквально с силой встряхивает.

Глаза открываю, а там... Бес. Все такой же страшный, ошалелый, дикий. Он сидит на кровати, а я в изголовье спиной забиваюсь, закрываясь от него руками, кричу, плачу, я его боюсь.

– Не-ет, прошу, Бес, не трогай, не трогай меня!

Из груди крик вырывается, и мужчина быстро убирает от меня руки. Еще через миг он с кровати подпрыгивает, быстро открывает шторы и окно, давая утреннему лучику света пробраться в комнату, и тут я понимаю, что сглупила. Снова этот чертов кошмар. Снова Бес мне снился. Ненавидящий, злой, жестокий. Тот, которым я его узнала впервые.

Сглатываю, окидывая Тимура взглядом. Он стоит поодаль, опустив голову. Вижу, что от напряжения у него плечи стали просто каменными.

– Прости... это был просто кошмар.

– Что тебе снилось?

Машинально тяну руки к шее. Когда это пройдет? Наверное, уже никогда, и глупо скрывать. Я должна рассказать Бесу, что вижу во сне. Это ведь между нами. Это всегда между нами теперь.

– Мне снились ошейник и цепь. Ну тот, ты помнишь...

– Помню. Что еще тебе снилось? – спрашивает мрачно, и я вижу, как от каждого моего слова Тимур становится все более напряженным. Невольно обхватываю себя руками, прижимаясь к подушке, но знаю, от зверя она не спасет. От него меня ничего не спасет уже.

– Мне снился подвал. Кожаный матрас и... ты.

– Что я делал?

– Не надо. Я не хочу говорить об этом!

– Нет, скажи! Что я с тобой делал? Скажи, мотылек, в голос, – парирует палач, смотря прямо на меня, словно выжидая нападения, и я признаюсь:

– Ты на мат меня толкнул и собой придавил. Одежду на мне разорвал. Мне было очень страшно, а потом мне было больно. Я очнулась вся в крови. В липкой крови. У меня болел живот, а на шее цепь была. Острая.

– Блядь... – зло чеканит Тимур, срываясь с места, а я прикусываю губу и тут же жалею, что рассказала. Не стоило этого делать. Бес и так напряженный, а тут я еще со своими вечными страхами.

– Тимур...

– Не надо! – гаркает. – Черт возьми, Ася! Я не знаю уже, как помочь тебе! Твои кошмары никак не проходят. И это не кошмары даже. Это просто воспоминания твои!

– Нет, неправда! Мне уже лучше. Мне почти не снится... прошлое. Тимур, ты куда?

Подлезаю на край кровати, когда мужчина быстро начинает одеваться. Невольно закутываюсь в одеяло. Мне хочется защититься от него. Все еще зверя в нем вижу, особенно когда злится, но не хочу Беса так отпускать. Только не так.

– Так, все, будем спать в разных комнатах.

– Почему?

– Потому что я не могу каждый раз видеть, как, проснувшись от кошмара, ты видишь его наяву! Во мне! – рычит, застегивая ремень и хватая рубашку в руки, и я невольно люблюсь своим палачом. Красив. Бес просто идеален внешне для меня.

Воцаряется пауза, и я чувствую, как сильно горят мои щеки. От стыда и еще чего-то... сожаления, что у нас все не как у нормальных людей.

– Я не согласна на это! Мне хорошо, когда ты рядом!

Тимур молчит, качая головой, и тогда я не выдерживаю. Вскрываю с кровати и к нему подхожу, все так же в одеяло завернутая.

Обнимаю его руками как-то резко. Прижимаюсь щекой к его груди, преодолевая страх.

– Все н... нормально, правда! Не надо, прошу... не надо так. Не уходи.

От нервов начинаю заикаться, и, видя это, Тимур в ответ меня приобнимает. За руки берет, смотря прямо на меня.

– Хорошо, успокойся. Я с тобой. Я рядом с тобой! Еще рано. Иди отдыхай.

– Подожди...

– Что?

Поджимаю губы. Должна это сказать.

– С днем рождения, Тимур.

Встаю на носочки, кладу руку на шею ему и целую осторожно мужчину в губы, а после отстраняюсь и вижу, как Бес окидывает меня недовольным взглядом.

– Кто проговорился? Виктор? Я ему башку снесу.

– Нет, это Маргарита. Извини, не успела тебе подарок приготовить, я придумаю что-то...

– Нет! Не надо мне ничего. Я не праздную никогда этот день, – закутывая меня в одеяло, басит Тимур, и я трепещу, когда в следующий миг мужчина наклоняется и легко целует меня в губы. По телу тут же разряд тока проходит, мне нравится... очень.

– Ну хоть маленький подарок тебе можно сделать? – спрашиваю, все еще помня о задержке. Не могу преждевременно этим поделиться. Сначала надо самой убедиться.

– Если так хочешь, то да.

Снова тянусь к палачу. Еще секунду, маленький миг, почувствовать его теплые губы своими, ощутить эту ласку, такую желанную и тайную, от которой мои ноги подгибаются.

Приняв душ, Тимур одевается и выходит, а я спускаюсь на кухню, где меня уже ждет Маргарита.

– Ну как ты, милая?

- Все... хорошо. У вас получилось принести то, что я просила?
- Конечно, держи, но не понимаю, почему ты у мужа не попросишь? Мелочь же.
- Не могу. Не говорите только ему, ладно?
- Да я могила. Скажешь потом о результате.

Киваю и бегу по лестнице в спальню. В груди очень быстро стучит сердце, когда в руках я сжимаю тест на беременность.

Я хочу убедиться, что задержка в три недели – это просто... от стресса.

***

Распаковываю эту маленькую коробочку. Почему-то трясутся пальцы. Внимательно читаю инструкцию. Снова, снова и снова. Так... Ась, да это просто от нервов. Задержка уже была. Не может быть, не может же просто, не время еще.

У нас с Бесом все только наладилось, наше счастье еще не окрепло, оно как папиросная бумага: тонкое, хрупкое, ранимое, мы только-только пытаемся наладить все... построить заново отношения, которые начались вообще не с того.

Сделав тест, внимательно смотрю на результат. На индикаторе медленно проявляется одна полоска. Ошалело сравниваю с инструкцией. Одна – это хорошо. Нет беременности. Все нормально. Ах, три минуты же ждать надо, ладно...

Сжимая индикатор в руке, быстро одеваюсь и выскакиваю из спальни. Мне Тимура нужно увидеть. Немедленно! Он еще не уехал, я успею его догнать.

Сбегаю по лестнице и несусь к выходной двери через большой холл, однако застываю у окна, открывающего вид на ворота и двор.

Сердце за секунду ускоряет ритм, когда во дворе среди черных припаркованных машин я замечаю Беса, который крепко пожимает руку... своему дяде Булату, и тот его приветственно хлопает по плечу.

В этот момент я даже пошевелиться не могу. Как застыла вся... от ужаса.

Сначала мне кажется, что это сон и быть такого не может, но он слишком реален. Прошло три дня нашего такого хрупкого и призрачного счастья. Все было идеально, или мне хотелось так верить.

Даже не двигаюсь, лишь за занавесками прячусь, чтобы меня не было видно. Этот монстр Булат совсем не изменился, и его люди те же, что тогда были в лесу. На моей казни.

Слезы наворачиваются на глаза.

Дура. Я поверила ему. Тому, кто все это время желал мне смерти! Бес не отказывался от своей мести. Он просто тянул время, и теперь вместе с Булатом они точно закончат казнь, а я... все еще сжимаю тест на беременность с двумя полосками в руке.

Глава 6

В руке что-то шелкает. Тест на беременность. Я его надвое разломил и теперь что есть сил сжимаю пальцами. Беременная. Я беременная от Беса, срок еще очень маленький, но это уже... уже произошло.

Никакой ошибки. Задержка была не просто так, и я неслась как сумасшедшая, спешила успеть до отъезда палача, чтобы... что? Обрадовать его? Да. Так думала еще недавно, а теперь, когда вижу, как Тимур Булату руку пожимает и вот-вот в дом позовет, меня как будто током бьет, сильно.

Не было никакого второго шанса для нас. Нас вообще нет, потому что зверь никуда не уходил! Он притих, затаился и вот теперь снова... снова начнет мстить за свое по крови!

Наверное, правильно было бы пойти наконец на эту жертву. Позволить Бесу убить меня, если бы я уже под сердцем не носила маленькую жизнь. Чистую, ни в чем не повинную, удивительную и только-только мою!

– Не дам... не позволю тебя обидеть! Ни за что...

Я никогда не думала, какой мамой буду и стану ли ею вообще, но сейчас, содрогаясь от ужаса от одного только воспоминания о моей казни, я срываюсь на бег.

Мне нужно спрятаться! Защитить малыша от Бесевых. Он не виноват, он-то уж точно ни в чем не виноват! Если Булат узнает, что я осталась жива, он сам меня застрелит, и я даже пикнуть не успею. А Тимур... позволит. Булат ведь семья его, а не я. Он, а не я! Я просто его враг...

Мы ведь так и не поженились по-настоящему. Все на словах только, обманывали друг друга, тогда как на самом деле, оказывается, Бес просто ждал дядю! Наивная Ася... Он не отказывался от мести, он меня все так же... ненавидит. Даже после всего. Господи!

Вне себя от шока я быстро поднимаюсь на второй этаж. Мысли несутся в голове, как дикие антилопы, и я просто хочу уйти. Уйти из этого дома проклятого... Забыть, стереть из памяти и спрятать. Того, кто не виноват ни в чем и кого убьют вместе со мной.

Быстро вытираю слезы и иду в кабинет Беса. Он ничуть не изменился, как я уже размечталась! Думала, Тимур ради меня лучше хотел стать, не быть убийцей больше, чувствовать научила его, от мести отказаться заставила. Дура... Просто невероятная дура! Зверь не изменился, он просто... играл со мной.

Дверь кабинета оказывается не запертой, и я осторожно открываю ее, входя внутрь. Не знаю, сколько времени у меня есть, но, судя по тому, как Булат спешил войти, не больше пяти минут. Он зайдет, увидит меня, и все. Можно ту яму в лесу заново откапывать.

По щекам льются слезы. Больно. Мне так больно в этот момент, что, размазывая слезы, я быстро открываю ящики стола и начинаю оттуда все выбрасывать. Ну где ты, где? То самое черное, что я видела в своей жизни, отцовская работа, моя ошибка и мой грех. То, что простить нельзя, и я наивно думала, что Бес простит.

Есть! В маленькой коробочке под тонной папок я все же нахожу этот диск. Он у Беса в единственном экземпляре. Потому и прячет его от всех, но знаю, что смотрит иногда, когда плохо ему. Забыть все не может свою семью, а я никто для него, просто... сука. Он так меня тогда часто называл, когда на цепи у ног своих держал. Когда я была хуже собаки для него. Просто... тварь без имени.

Открываю коробочку, достаю диск и долго верчу его в ладонях.

– Не будет записи – не станет мести.

Один миг, и диск лопаётся надвое, а затем ещё на более мелкие кусочки, которые я сбрасываю на пол. В душе все горит и расплывается от слез. Себя я позволяла сделать сухой, я была виновата, ведь это мой отец сотворил, но ребенка... Ни за что не дам в обиду.

Я не думаю, я просто делаю это. Словно какой-то животный инстинкт просыпается во мне в этот момент, и все, чего я хочу, – это безопасность. Для моего ребенка. Которого убить я не позволю!

Внизу хлопают входные двери, я понимаю, что они уже вошли. Так... думай, Ася, думай!

Виктор первым приходит на ум. Он поможет, он всегда... Усмехаюсь: он всегда был на стороне Беса! А не на моей стороне. Он сам меня же сдаст. Нет, нельзя, нельзя к нему, а больше... никто мне не поможет тут. Я должна на себя теперь рассчитывать. Больше не на кого.

Замечаю на столе зажигалку, недолго думая, хватаю ее и подношу к занавескам. Пламя вспыхивает мгновенно, и я от шока аж застываю. В голове все смешивается, и я уже не знаю, что хорошо, а что нет.

Спасись. Вот что мне надо. Уйти из этого логова, пока они снова... снова в ту яму меня с ребенком не сбросили!

Тимур... Аж сердце разрывается от боли за него. Лучше бы убил меня тогда, а не теперь, когда я уже от любви по нему сгораю... так жестокого предать меня. Он не защитит, не убережет. Он Булата позвал, а значит, нет в нем даже капельки любви ко мне! Он семью свою любит, а не меня, не меня! Боже, лучше бы Бес сам меня убил, чем снова... при всех так жестоко.

Меня словно будит дым, который начинает всю валить из загоревшихся занавесок, пламя перекидывается на кресло, стол и другие вещи. Я Беса дом подожгла. Да, специально. Чтобы малыша защитить. То единственное невинное существо, которое вообще здесь есть.

Я не пишу ему записку. Мне нечего сказать Бесу. Пусть захлебнется от своей ненависти, а я... выживу. Как-то, наверное.

Выбегаю из горящего кабинета и несусь в спальню, где дрожащими руками хватаю первый попавшийся спортивный костюм, который запикиваю в рюкзак. Там же нахожу те самые деньги, которые тогда Виктор в больницу приносил. Я так и не потратила их, не трогала, думала, подарок Тимуру куплю. Купила уже.

За дверью начинают голоса раздаваться, и я прячусь, когда в следующий миг дверь открывается и я слышу до боли любимый голос предателя:

– Ася! Ася, ты где?

Закусываю губу до крови. Не издаю ни звука, чтобы себя не выдать. Бес уже меня ищет, чтоб на казнь отвезти! Умерла я уже. Нет меня для тебя.

Дождавшись, пока Тимур уйдет дальше, тихонько выскальзываю из спальни и, оглядываясь постоянно, выхожу на улицу через задний вход.

Охрана воспринимает меня спокойно. Мне было разрешено гулять тут... как собачонке, но за пределы территории Тимур не выпускал меня. Наверное, боялся, что сбегаю, и вот я сбегаю.

Выйдя за пределы ворот, быстро смахиваю слезы. Кажется, люди Булата так и не увидели меня. Все нормально... нормально.

Не знаю, сколько бегу до трассы, но, оказавшись там, ловлю первую попавшуюся попутку и сажусь в нее, едва оглянувшись на дом зверя.

Меня только на казни так колотило, как теперь. От шока даже двух слов сначала сказать не могу и, когда водитель уже начинает бухтеть под нос про сумасшедшую, бросаю ему пачку денег из рюкзака и громко кричу:

– В... вперед! Едьте вперед!

Глава 7

Первой мыслью всплывает поехать к родителям. Туда, где всегда ждут, где примут даже после года скитаний. Пусть приемная я, но все равно знаю: мама не прогонит, приютит. Сжимаю руки в замок. Нельзя... Сама же Бесаяевых на родителей наведу, а если с ними что-то случится, даже думать не стану.

Сбежать. Нужно сбежать подальше. Раствориться в толпе, чтобы зверь не нашел, не выследил меня.

Через минут сорок добираюсь до города и в ближайшем магазине полностью меняю одежду. Покупаю простую черную куртку, свитер и такие же неприметные джинсы. Волосы собираю в пучок, лицо прячу под капюшоном. Меняю даже обувь. Чтобы не нашел меня. Чтобы зверь не обнаружил.

Быстро пересчитываю деньги. У меня с собой внушительная сумма, но нет документов, и даже если попытаюсь как-то купить билет в аэропорт, Бес найдет меня там в ту же секунду. Нет... не так.

Надо вглубь страны ехать далеко, чтоб не знал, где я. Пусть лучше думает, что я в пожаре том умерла. Пусть забудет вместе со своей мстостью!

Через двадцать минут я запрыгиваю в первый попавшийся автобус. Доезжаю до следующей остановки и затем попадаю на автовокзал, откуда уже беру билет в какую-то деревню. Далеко, девять часов езды отсюда, и, кажется, нас едет туда всего три человека. Ладно, я справлюсь. Ради малыша справлюсь, ведь он не виноват, не виноват вообще ни в чем.

Прижимая рюкзак к себе, я сажусь на заднее сиденье автобуса и сильнее натягиваю капюшон на лицо. У меня нет плана, связей и почти нет вещей. Я просто... хочу сохранить жизнь ребенку, которого стопроцентно убьет род Бесаяевых, как только узнает о его существовании.

Глупая, как же я не поняла, что Бес врет? И сейчас он притворялся. Когда целовал меня до слез, когда ласкал, обнимал так, что аж голова кружилась.

Ложь... все было ложью. В наших отношениях, похоже, не было и доли правды, только боль, которая сейчас меня до краев просто захлестывает.

***

Я приезжаю в деревню, когда уже вечер на дворе. Выйдя из автобуса, прижимаю к себе рюкзак. Куда идти, что делать-то теперь? Оглядываюсь по сторонам. Приезжих встречают, вот только меня никто тут не ждет.

На улице зима стоит, Новый год скоро, а я даже не знаю, в какую сторону пойти. Но идти надо, иначе совсем окоченею.

Закутавшись в куртку, следую прямо в темноту. Я ее больше не боюсь. Я ее с Бесом сполна познала, и теперь, если честно, меня мало что тревожит, кроме него.

Я прохожу пару километров по морозной улице, моя спесь немного стихает, и я быстро начинаю замерзать. Да и не ела я ничего сегодня, поэтому голод просто адский. Не зря тогда Маргарита отметила, что я ем все подряд. Тогда уже поняла, что малыша ношу... Ладно.

– Не бойся. Ничего не бойся, – шепчу в голос сама себе, а точнее, крошке в животе. Мне все равно, кто ты, мальчик или девочка. Ты мой. Мой малыш.

Я добредаю до ближайшего магазина, где как раз закрывает двери женщина. Охранник или продавец, даже не пойму сразу.

– Закрыто уже. Завтра приходи.

– Извините, у вас тут нигде комнаты не сдаются?

– А кто спрашивает? Тебе идти некуда или что?

Женщина бросает на меня колкий взгляд.

– Да. Некуда.

– С мужем, что ль, поссорилась? Выгнал, небось?

Стискиваю зубы. Одно только воспоминание о Тимуре вскрывает свежие раны, и слезы тут же собираются в глазах.

– Нет... другое.

– Ладно. Не реви. Как зовут-то тебя?

– А... – замолкаю. Лучше ей не говорить своего настоящего имени. – Аня я.

– А меня тетя Люба зови. Не знаю я, Анечка, кто тут комнаты сдает. У нас здесь вообще почти людей не осталось. Выехали все в город, кто мог, а кто не мог, тот помер давно. А откуда ты вообще взялась? Ишь, не местная будешь?

– Да, я... из города приехала.

– И что, ночевать негде совсем?

Женщина мониторит меня острым взглядом, видимо решая, можно ли вообще со мной связываться.

– Негде. Помогите с комнатой. Вы не думайте, я заплачу. Хорошо заплачу!

Достаю из рюкзака пачку купюр, и глаза женщины заметно округляются.

– Ничего себе! Точно с мужем поссорилась, да еще и с богачом каким, видать. Ох, девка, а коль муж за тобой приедет, мало мне не покажется!

– Нет, он не знает, где я.

– Не знает... А вдруг искать начнет, не думала? Зачем мне эти проблемы, вот скажи? У меня самой три кошки и две собаки, да корова с теленком сверху. Ну куда ты еще мне?

– Мне некуда идти. Совсем, – шепчу ей, видя, как тетя Люба еще более удивленно вскидывает брови.

– Ох, как чую, горе себе наживу. Ладно! За мной ступай. И платить за койку будешь регулярно! По совести сделаем.

Тетя Люба прячет ключи от магазина в большую сумку, перекинутую на плечо, и я быстро киваю. Хоть с коровами, хоть с собаками – мне уже без разницы, где ночевать, главное, чтобы Бес меня здесь не нашел.

Глава 8

Пешком мы доходим до дома тети Любы, которая оказывается довольно строгой, но все же добродушной женщиной. Она живет в самом конце улицы, в крошечном домике на отшибе, с кучей лающих собак и хозяйством.

Если честно, я впервые в таких условиях оказываюсь и немного побаиваюсь всех этих животных, но мне уже все равно, где ночевать. Любому углу рада. Главное – безопасность. Для крошки в моем животе.

Зайдя в дом, застываю на пороге, но тетя Люба быстро проходит на кухню, начиная что-то разогревать.

– Садись. Ужинать будем.

– Спасибо.

Кипит чайник, женщина начинает что-то готовить. Я такая голодная, что аж слюни текут, и, когда получаю свою заветную порцию котлет с картошкой, вдыхаю желанный аромат, и меня тут же тошнит. Сильно, но оттого, что я не ела весь день ничего, только спазмы дерут горло.

С ужасом прикрываю рот ладонью, видя ошарашенный взгляд тети Любы.

– Что это с тобой?

– Э-э... Заболела, наверное, – осторожно шепчу тете Любе, которая качает головой, наливая мне парующий чай.

– Не обманывай старуху. Какой хоть срок, знаешь?

Ее вопрос врасплох застает. Как она поняла? Я же ни слова не сказала.

– О чем вы?

– Солнце, я уже седьмой десяток на земле живу! Уж могу как-то беременную женщину от больной отличить.

Не знаю, куда деть глаза. Стыдно. Я же ее обманула, получается, не сказала.

– Извините. Не знаю пока точно. Кажется, три недели уже.

Тетя Люба поджигает губы и переводит строгий взгляд на меня.

– А муж твой. Знает?

– Не говорите ему! Умоляю, ничего никому про меня не говорите! Я все деньги отдам, только...

– Ладно, ладно! Я поняла. Прячешься ты. Ох, девчата. Одни проблемы только с вами да с мужиками вашими. Понаделают детей, а потом разборки начинаются. Не скажу я никому, да и деньги ты свои побереги! На дитя-то еще понадобятся. На роды, а потом пеленки, молоко, кроватку, кучу вещей придется покупать. Хотя знаешь, кроватку не нужно. У меня на чердаке старая есть. Еще от дочери осталась, деревянная, ей лет сорок уже, но еще рабочая.

– Спасибо.

Вытираю слезы.

– Не реви, девка, ради дитя собраться надо! Чаю лучше выпей. С мятой.

– Теть Люб, даже не знаю, как благодарить вас...

– А ты не благодари. Помогать будешь. И на кухне, и по хозяйству, хотя, видя твои руки, детка, сомневаюсь, что ты хоть раз в руках лопату держала. Видать, модель какая или артистка городская.

– Музыкант я, в прошлом.

– Оно и видно, что толку с тебя ноль в хозяйстве будет.

– Нет, я смогу! Правда, буду помогать.

Хватаюсь за это как за ниточку. Буду работать, только бы Бес меня не нашел тут, ведь тогда... смерть меня с малышом ждет. Сразу.

– Посмотрим. Допивай свой чай и спать ложись. Постелила в комнате. И реветь мне в подушку не смей! Я чутко сплю.

***

Первую ночь в доме тети Любы я почти не сплю. Вскрикиваю от каждого шороха, боюсь, что Бес нашел меня, но ничего не происходит. Даже не знаю, где он сейчас, одно только понимаю: он будет теперь еще больше ненавидеть меня.

За то, что диск тот я от злости разломала, единственное воспоминание о его семье. Хотя... я бы снова это сделала, только бы он уже ненависть проклятую свою забыл ко мне.

Следующим утром тетя Люба рано подрывается к хозяйству, поэтому в пять я уже на ногах, а точнее... у унитаза. Меня снова тошнит, и, кажется, это только начало. Спазмы скручивают живот, после чего тетя Люба отпаивает меня мятным чаем, после которого мне становится немного лучше.

Я помогаю кормить животных, прибираюсь в доме. Не боюсь работы, хоть, по правде, никогда действительно не делала ничего тяжелого, но мне самой так лучше. Что угодно делать, лишь бы не думать о том, кто душу мою разворотил.

Тетя Люба начинает меня Анечкой называть, и мне тоже так проще. У меня нет документов, можно считать, что меня вообще нет, и случись что, Бес сразу выследит меня, поэтому я осторожничаю и первые недели вообще почти за пределы двора не выхожу.

Днями я стараюсь занять себя делами по хозяйству, тут тетя Люба дает мне простор для фантазии, но ночами... я все так же плачу. По нему. По моему демону страшному, которого зарекаюсь вспоминать... и вспоминаю. Каждую ночь, изнывая от боли. По нему.

– Анечка. Не плачь. А ну, успокойся!

Открываю глаза. Тетя Люба обеспокоенная стоит предо мною в цветастом домашнем халате.

– Тетя Люб...

– Так, давай вставай уже. Пять утра, как-никак, а ты полночи воешь, как волчица раненая. Хватит! По мужику дурость реветь. Работы гора. Давай, детка. Помогать надо.

– Да, конечно.

Провожу ладонями по лицу. Мокрое – снова, значит, во сне плакала. Черт, да почему я такая слабая?! Сама себя уже презираю.

Машинально ладонь к животу подношу. Ну как ты малыш... прости, я совсем расклеилась уже.

– Ты это, Анечка, только тяжелого не тягай. Мне проблемы не нужны потом, и да, у меня знакомая в районной больнице работает, УЗИ надо бы сделать, а то совсем ты уж бледная, как поганка в лесу.

– Да, спасибо.

***

– Ну что... Как там?

– Срок, похоже, уже три месяца, плод хорошо закрепился. Ты молоденькая, здоровая. Не вижу патологий.

Врач водит датчиком по моему еще плоскому животу, тогда как я глотаю слезы.

– Чего ты плачешь, девочка? Нежелателен ребеночек или что?

– Не знаю... Не знаю я.

Женщина лет пятидесяти губы поджимает и убирает датчик с моего живота. Выключает монитор, и ту крошечную точку я уже не вижу.

– Срок маленький еще. Вижу, кольца у тебя нет. Что делать будем? Сохраняем плод? – говорит строго, не церемонясь, тогда как я не знаю. Сама себя спрашиваю, и ответа нет. Ребе-

нок от зверя, родной малыш Беса. Если он узнает, если найдет, убьет же его, а я... и так умру потом. Сама. От горя.

Родить от того, кто меня ненавидит. Кто и ребенка нашего убил бы, не задумываясь. Любил ли Бес? Я думала, что да, хоть он и не говорил, а теперь... нет у меня времени на ошибку.

Быстро вытираю слезы. Убить малыша? Нет, не могу я так. Пусть Бес ненавидит меня сколько влезет, а ребенка я не убью, не смогу я плохое ему сделать. Не способна.

– Сохраняем. Конечно, оставляем малыша.

– Ну и умница. Анна Викторовна, так?

– Да.

Вру о своем имени, но использую единственный вариант сделать УЗИ без документов в районной больнице, куда меня почти за руку тетя Люба привела к знакомому врачу.

– Хорошо. Только если уж рожать надумала, Аня, давай прекращай эти слезы лить. Переживать так не стоит. Вредно тебе уже, и малышу тоже.

– Да. Да, конечно. Я так... от волнения просто. Все будет хорошо. Должно быть.

Опускаю кофту и машинально прикладываю руку к животу. Боже, я мамой скоро стану. У меня будет ребенок от Беса, который меня ненавидит.

Глава 9

Быть призраком, оказывается, не так уж и просто, и уже спустя несколько месяцев в этой крошечной деревне все начинают смотреть на меня косо и осуждающе. Я же, не привыкшая к такому вниманию, теряюсь, пока тетя Люба не пускает слух о том, что я ее племянница. Так сплетни затихают, однако у меня все равно никаких документов нет, и пока я не настроена обращаться в хоть какую службу, чтобы сделать новые. Словно предчувствую, что в этот самый момент Тимур меня ищет. Ищет, как хищник, вместе со своим дядей и, наверное, скоро меня найдет.

В такой тревоге проходят следующие четыре месяца, но никто не приезжает за мной. Будто и не было того кошмара, который любовью обернулся, а после разбился острыми осколками стекла.

Забыть... Хочу и не могу. Стараюсь изо всех сил выкинуть демона из головы, и порой мне это даже удается. Когда, вымотанная работой, я сваливаюсь вечерами на кровать. Когда у меня болят спина и руки, я думаю о боли... а не о нем, хотя раньше это было одно и то же.

В такие ночи, когда я жутко уставшая, мне все равно снится Бес. То в образе прекрасного мужчины, то в лице изуродованного чудовища, которое откусывает мне руки.

Глупая... Глупая Ася. Возможно, Бес уже забыл меня, а я страдаю. Забыть его я все никак не могу. Порой кажется, что уже вырезала его из своего сердца, однако стоит мне лишь на секунду приложить ладони к уже округлившемуся животу, сердце разрывается пополам. Его дитя ношу. Дитя от зверя.

На пятый месяц беременности, как ни странно, тошнить меня не перестает. Токсикоз просто невыносимый, и помогать по хозяйству становится труднее. Я быстро устаю, и меня тошнит. Порой так сильно, что за весь день, кроме яблок, есть ничего не могу, и тетя Люба это быстро замечает.

– Снова плохо?

Полоская рот после очередного приступа тошноты, я с ужасом оборачиваюсь и вижу женщину в дверях.

– Да. Немного.

– Ох, девка, как тяжело беременность тебе дается! Ты это... иди ложись. Сама я справлюсь.

– Нет, я помогу, правда! Все сделаю.

– Да я вижу, как ты поможешь. Себе помоги да дитю своему! Белая, как стена, ходишь, а шестой месяц уже на носу. Хватит. Доноси нормально. Ложись, поешь тебе дам.

– Спасибо, тетя Люб. Не знаю даже, что делала бы без вас.

Тетя Люба недовольно качает головой, но не отвечает. Знаю я, она бы и рада, наверное, чтобы я уже уехала, да вот только ехать мне некуда. Совсем.

***

– Так, Анна Викторовна, я не поняла, ты совсем себя не бережешь? – строго чеканит тот самый врач, который тогда делала мне УЗИ в больнице.

– С чего вы взяли...

– В прошлый раз ты зареванная приходила, но хоть живет выглядела, а сейчас что? Совсем с ума сошла, такие синяки под глазами! Не кормят тебя или что? Так я быстро Любке по первое число всыплю, племянницу до такого довести.

– Нет, вы что, я кушаю! Просто меня тошнит часто.

– Всех тошнит, и ничего. Кушать все равно надо. Давай на кушетку. Посмотрю тебя.

Ложусь и поднимаю кофту. Седьмой месяц уже, и животик уже видно. Кругленький, но небольшой. Каким-то чудом мне все еще удастся прятать его за мешковатыми кофтами, которые тетя Люба мне удачно дала поносить.

– Тошнит, говоришь, часто?

– Да.

– Сколько раз в день?

– По-разному. Четыре, пять, иногда больше.

– Крови не было? Выделений?

– Нет...

Удивленно смотрю на доктора, которая размазывает гель по моему животу, сосредоточенно смотря на экран.

– Ну... как малыш?

– Вроде нормально, но маленький. Маленькая, точнее.

Слезы стекают по щекам.

– Девочка, у меня девочка будет?

– Да. Девчуля сидит. Хочешь послушать?

Быстро киваю, и тогда врач нажимает что-то на мониторе... и я слышу. Впервые слышу, как сердечко бьется! Быстро, гулко, торопливо! Самая лучшая мелодия, что когда-либо слышала.

– С ней все в порядке?

– Патологий не вижу, но анализы лучше все же сдай. Зря я тогда сразу не назначила. Первая беременность все-таки.

– Хорошо. Я все сдам. А можно... можно мне фото малышки?

– Да, конечно.

Что-то щелкает, и через пару секунд я получаю черно-белый снимок, где отлично видны головка, крошечные ручки и ножки. Выхожу из больницы, прижимая фото к груди. Моя доченька. Только моя.

Глава 10

К восьмому месяцу у меня, наконец, пропадает этот жуткий токсикоз, и я чувствую себя... прекрасно. Не знаю, что это, возможно, гормоны, но впервые в жизни мне просто хорошо. Я полностью восстанавливаю питание, у меня появляются зверский аппетит и силы.

Конечно, животик становится больше, и я не могу ничего тяжелого больше делать по дому, но все равно малышка часто крутится и пинает меня в бок, поэтому я не даю себе возможности больше скулить. Нельзя мне теперь. Ради нее уж точно нельзя.

– Ты кушай, я еще дам. В этом году уродило знатно. Полный сад этих яблок. Едва собирать успеваю.

– Спасибо... Не думала, что так яблоки люблю.

Я никогда в жизни не ела столько яблок, как сейчас, и это не проходит. Сначала они меня от тошноты спасали, а после... просто нравятся.

– Это ребенок просит. Не отказывай ему, раз уж так хочет. Кушай.

– Угу.

Нагрузив себе еще фруктов, забираюсь на диван, тогда как тетя Люба все копошится у чердака.

– Давайте помогу!

– Нет! Сиди уже. Живот вон какой. Не надо.

Тетя Люба слезает с лестницы, и я замираю, когда вижу, что в руках она держит кроватку. Маленькую, но увесистую, деревянную.

– Ох, тяжелая, зараза! Вот, смотри, какая вещь. Мой Василий когда-то сделал. Пыльная, но ничего, отмоем, будет как новая, послужит еще!

Поднимаюсь и подхожу к кроватке. Пахнет липой до сих пор, резьбой мелкими цветочками покрыта.

– Какая красивая...

– А то! Мой мастер был на все руки, царство ему небесное. Будет твоя лялька как принцесса спать!

Не могу сдержать улыбку. Уже с нетерпением жду, когда малышку на руки смогу взять. Кажется, большего счастья быть не может.

– И да, после родов ты точно помогать мне больше не сможешь, но не думай, что без дела сидеть будешь. Ты говорила, что на пианино играть умеешь. Так вот, есть у меня пара знакомых, детей обучить надо. Хоть копейка какая будет.

– Тетя Люб...

– Не надо, потом благодарить будешь.

Обнимаю эту упрямую, но добродушную женщину, которая за это время стала мне почти родной. Да, она любит побухтеть, но все же... уже так много сделала для меня и малышки.

Сидя вечером за столом, тетя Люба внезапно задает вопрос, от которого мое спокойствие рушится как карточный домик:

– Ты прости, что спрашиваю, но, Ань, а что же муж твой? Уж сколько месяцев прошло. Неужто помириться не хочешь? Может, он ищет тебя...

– Нет! Не муж он мне. Мой это ребенок. Только мой.

На это Тетя Люба только поджимает губы.

– Тогда хватит реветь по ночам! Я слышу все прекрасно, как ты воешь по мужу своему – или кто он тебе там! О ребенке думай, раз сама выбрала такую судьбу.

***

– А-а-а-а! А-а-ай! – кричу что есть сил, лежа с широко разведенными ногами на кресле. По лбу пот градом катится, все волосы уже мокрые.

– Тужься, давай, родная! Дыши. Еще. Дыши, говорю!

– Не могу... Не могу я уже, больно!

– Всем больно, не выдумывай! Все девки рожают, и ты родишь. Тужься еще, еще, милая!

Боже, я думала, что уже испытала самую страшную боль в мире, но и близко нет. Роды длятся уже шестнадцать часов, и с каждой секундой мне кажется, что вот-вот я просто умру. Не выдержу.

Больно... мамочка, как же больно! Как же жаль, что рожаю я одна. Никого нет рядом из близких, кроме теть Любы, и та на работе осталась сегодня.

Воды отошли внезапно рано утром, и мы едва успели доехать до районной больницы. Только благодаря знакомствам тети Любы и увесистому “авансу” за молчание меня приняли без паспорта под одну только расписку с фальшивым именем.

Все это неважно. Главное – доченька моя. Боже, скорее бы уже взять ее на руки! Обнять и поцеловать. Одного только боюсь... что на Бесаева будет похожа. Что в глазах ее зверя увижу. Нет! Моя она. Только моя.

– Так... Аня, а ну соберись! Ты хорошо раскрылась, я уже головку вижу. Сейчас надо очень хорошо постараться.

Врач кладет руку на живот и начинает медленно надавливать, направляя ребенка.

– А-а-ай!

– Давай еще, еще, говорю! Тужься, милая! Тужься, говорю!

– А-а-а-а! Боже... А-а-а-а-а!

Кажется, мое тело просто лопнет сейчас на две части. Я буквально чувствую, как там внизу все разрывается.

– Хорошо. Так... Умница, головка родилась! Эй, дыши. Сильной должна быть! Теперь последний рывок, и малышку на руки получишь. Тужься!

Напрягаю живот, все силы сюда пускаю, я стану мамой уже так скоро!

– А-а-а-а!

Что-то булькает, и после я чувствую облегчение, когда малышка рождается полностью. Врач сразу на руки ее берет, ребенка быстро вытирают, клацают ножницы, и вскоре малышка начинает громко плакать.

Я же реву. Ощущение просто невероятное. Боль, облегчение и невероятное счастье, когда вижу этот розовый сморщенный комочек впервые.

– Ох, какая красotka родилась! Умница, девочка. Первые роды всегда сложные.

Из груди судорожные всхлипы вырываются, и я плачу, когда малышку ко мне подносят. Прямо на грудь кладут. Она дрожит и плачет, тянет ко мне ручки с крошечными пальчиками. Маленькая, какая же маленькая.

– Мать, ну что ж ты реवेशь то снова! Смотри, какая у тебя красота родилась! Ух, девчонка!

Быстро вытираю слезы. У меня нет больше права на слабость. Ради дочери сильной быть надо.

– Доченька моя! Спасибо... Спасибо вам!

Целую крошку снова и снова в щечки, сама мокрая вся от пота и слез. Родилась. Счастье мое родилось.

Смотрю на малышку. Крошечная совсем. У доченьки черные густые волосы, носик, губки, глазки, пальчики даже – все точно как у Беса. Боже, как она похожа на него... Как две капли воды.

Глава 11

- Так, мамочка, хватит мне мозги пудрить. Еще раз спрашиваю. Кого отцом записываем?
- Нет, нет отца.
- Ну, отчество пригодится для документов.
- Ставьте прочерк, я говорю, нет отца!
- А ну, не кричи мне тут, тоже умная нашлась.
- Извините. Васильевна. Запишите Васильевна.
- На, держи свое свидетельство! Угорелая мамаша.

Мне в руки всучивают свидетельство о рождении дочери, которое я крепко сжимаю в руках. Амели. Я так решаю малышку назвать. Она крошечная, всего один килограмм девятьсот грамм, но врачи говорят – здоровенькая, просто очень маленькой родилась.

Знаю, я нервничала много, поэтому малышка вес плохо набрала, но теперь все иначе будет. Я уже обожаю Амели, и мне все равно на то, что она так сильно на Беса похожа. Его дочь родная, о которой я ни за что ему не расскажу. Костями лягу, но не дам ее ранить.

Меня заселяют в отдельную палату с малышкой, где я провожу первые часы. Не отхожу от нее. Отлипнуть просто не могу. Насмотреться, надышаться ею не способна.

Целую каждый пальчик. Родная, доченька моя. Амели быстро согревается и теперь просто смотрит на меня, и так тепло мне сразу становится от этого и больно одновременно. Она на Тимура так похожа... от меня разве что две родинки крошечные под нижней губой взяла. Все. Остальное все Беса.

Открывающаяся дверь заставляет обернуться. Теть Люба? Нет. Медсестра зашла.

– Ну как дела, мамочка? Кормили уже?

Прикусываю губу.

– Нет. Молока еще нет. Грудь... болит только сильно.

– Уже больше двух часов прошло. Если молока еще нет, не страшно, покормите пока смесью.

– Нет, пожалуйста... я сама хотела кормить ее.

– Мамочка, молоко может и через два дня только появиться. Малышка не должна голодать. Идите получите смесь для кормления. На первое время сгодится.

Смотрю на крошку. В маленькой белой шапочке и розовом комбинезоне. Как куколка. Такая маленькая, губки бантиком. Не спит. Смотрит на меня глазками серебристыми. Чистыми, хрустальными просто. Мой ангел.

– Я не могу... не могу ее оставить одну.

– Вы в больнице. Идите. Ничего с вашей девочкой за минуту не случится.

Глупая. Наверное, от нервов я уже сама просто себе не доверяю.

Наклоняюсь и целую Амели в щечки, пальчики все целую на ручках.

– Я вернусь, доченька. Быстро очень.

Несусь по коридору, сжимая пустую бутылочку для смеси. Я не взяла в больницу особо ничего. Грудь была настолько налитой, что я думала, литрами молоко будет, но нет. Болит теперь только, хоть врач и обещает, что молоко появится очень скоро, заставлять Амели голодать не стану.

Мне выдают сразу две порции смеси. Хватит на всю ночь. Отлично. Вес маленький, но мы наберем его быстро. Теть Люба обещала тоже молоко давать малышке, а затем уже и творог тоже.

Иду в палату. Что-то беспокойно мне. Всего две минуты дочку не видела, а уже соскучилась.

– Я тут, Амели...

Подхожу к люльке, и сердце сжимается от ужаса. Пусто там!

На белой простынке с котиками лишь игрушечный мишка лежит... весь в крови. Много, много крови, целая лужа, а дочки... нет.

Смесь выпадает из рук, которые я больше не чувствую. Из горла только рев вырывается, разрывая мое сердце на куски.

– Не-ет! Боже, нет... А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а-а-а-а-а! – я кричу громко от дикого ужаса, заставляющего кровь стыть в жилах.

Бес вернулся.

Он убил... убил нашу дочь!

Глава 12

- Так, мамочка, успокойтесь!
- Амели... Боже, моя дочь... убил ее. Убил!

Я вою, сидя на полу палаты, тогда как тут уже половина отделения собралась. Перепуганные мамочки сбежались на мои крики, смотрят на меня сочувствующе, прижимая своих деток к груди, а у меня пустота.

- Дочери нет. Амели нет. Зверь все же выследил меня и убил... убил нашу дочь.
- Я знала... он найдет, найдет меня. Демон!

От ужаса даже плакать не могу. Меня всю дико трясет, боль такая, что, кажется, сердце скоро ребра сломает. Жжет, горит, догорает!

– Так, Света, давай успокоительное! И полицию вызывайте. Бегом! – строго чеканит мой прибежавший на крики врач, отрывая меня от пола.

На кровать усаживает, в нос какую-то вонючую дрянь сует, после чего мне в руку что-то быстро колют, тогда как меня всю колотит. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу тебя! Как ты мог, как мог так поступить со мной, Тимур? За что, боже, неужели в тебе нет ничего хорошего совсем?!

Руки быстро становятся липкими от игрушечного мишки, добротного пропитанного кровью, но мне все равно. Моя душа словно на куски ножницами порезана и кровоточит теперь сильно.

Амели. Я ее даже покормить не успела своим молоком. Не успела наглядеться на нее, налюбоваться, надышаться ею не успела! Бес забрал мое счастье, превратив его в такую невыносимую черную, просто адскую для меня боль.

Этот страшный день проходит дальше как в тумане. Кошмар, ужас, в который Тимур снова меня опустил... Это он сделал, я знаю, больше некому. Больше никто меня не ненавидел так сильно, как Бес!

Отомстить. Тимур так хотел мне отомстить... Я же дочь его врага, я его враг, знаю. Он сделал это, забрал самое ценное, что было у меня, чтобы месть свою чертову свершить, и теперь я и так умру. Даже казни никакой не надо, ведь я и так сдохну без дочери, как собака, как сука его. Господи...

- Аня, что случилось? С ребенком чего?

Меня за плечо тормозит запыхавшаяся тебя Люба. Кажется, мой врач ее вызвала раньше времени, и она, вся перепуганная, сейчас стоит передо мной, сжимая в руках сумку.

- В ее глазах страх, тогда как мне уже не страшно. Мне больно. И боль эта просто убивает.

- Убил... он дочь нашу убил.

- Кто? Ты что говоришь такое, девочка?

– Бес. Бес убил. Мой муж. Н... нашел меня и малышку убил, – говорю это и чувствую, как по щекам катятся слезы. Снова и снова, хотя я даже не плачу. Я не чувствую уже ничего, кроме боли.

- Как? Ты что, девочка, неужели это правда? Господи... Милая моя.

- Теть Люба убирает волосы с моего лица, ошарашенно смотря то на врача, то на меня.

- Ты уверена? Видела кого-то здесь? Как это случилось?

– Нет. Не видела. У меня молока н... не было еще, я за смесью п... пошла, а вернулась, нет дочки. Нет Амели. Кровь одна только. Ее кровь.

Показываю ей окровавленного мишку, которого держу в руках, и снова плачу. От слез все расплывается. Мне больно. Мамочка, как же мне больно!

– Спаси и сохрани! Девочка, за что? Неужто он способен на такое?

– С... способен, – глотая слезы, шепчу, чувствуя, что еще немного – и умру. Живот болит, грудь ноет, а в сердце дыра невосполнимая.

– Так, сейчас полиция приедет, расскажешь все, что знаешь! Его найдут. Посадят за такое!

Усмехаюсь горько.

– Не найдут. Не посадят. Не надо, не надо полиции.

Срываюсь с кровати. Выбегаю из палаты мимо шокированных медсестер и мамочек. За мной только тетя Люба бежит. Едва успевает.

– Стой, ты куда?

– Мне уйти, уйти надо. Срочно! Нет времени. Не могу больше. Не могу я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.